

Никто не заметил его возвращения в Хогвартс. Как ни странно, по нему даже не скучали. Конечно, это объяснялось скорее тем, что после почти двухнедельного восстановления Джинни наконец-то вернулась.

Дамблдор всю неделю просидел в Министерстве вместе с Фаджем, и ни у кого из профессоров не хватило ума проследить за ним. Следящее заклинание Дамблдора, которое он покорно игнорировал более двух недель, ненадолго удостоилось чести запечатлеть полдень Тревора Жабь.

Когда Гарри пришёл в Башню, она была пуста. Ему не хотелось устраивать зрелище в Большом зале, и он бодро отправился на поиски кухни. Приятно было наконец-то поесть без помех и послушать, как сплетничают маленькие эльфы. Именно благодаря им Гарри узнал, что Дамблдор вернётся только в следующую среду, то есть почти через неделю.

Очевидно, Фадж дорабатывал предложения, которые через две недели должны были поступить на рассмотрение Визенгамота.

Гарри очень любил этих странных маленьких эльфов.

Вернувшись в Башню, он попал в Общий зал, где собрались почти все гриффиндорцы Хогвартса. Очевидно, все хотели услышать рассказ о том, что случилось с Джинни. Он остался в тени, выслушивая список её травм. От большинства из них она оправится, оставив лишь шрамы, которые, как знал Гарри, были получены от знаменитых кинжалов Эйвери.

Гарри догадывался, что именно Эйвери из Внутреннего круга совершил нападение. К его же несчастью, он выбрал такое незащищённое место, чтобы спрятать заложников. Волдеморт не терпел неудач.

Судя по трости, стоявшей рядом с Джинни, Гарри понял, что девочка сильно повредила ногу. Это подтвердилось через секунду, когда Джинни отделилась от друзей и пошла, прихрамывая.

Рон шел следом за ней - очевидно, Джинни не раз донимала его своими приставаниями, но он не желал терять из виду свою единственную сестру.

Гарри смотрел, как Джинни, прихрамывая, идет к нему. Его глаза, закрытые капюшоном, не давали понять, о чем он думает - это умение Амос помог ему развить.

"Гарри?" - прошептала она совсем не по-джиннинному, словно не веря, что он здесь. В одну секунду она стояла перед ним, а в следующую Гарри оказался в её объятиях и услышал глухой стук трости, ударившейся о землю. "Невилл сказал, что вы ушли на учёбу, и я надеюсь поговорить с вами наедине".

Гарри с трудом сдерживал смущённый румянец. Если бы Амос мог сейчас видеть его, он бы

рассмеялся.

"Комната Требований должна быть свободна". Джинни кивнула в знак согласия и приняла трость, которую предложил Рон.

"Я пойду с вами двумя".

"Рон...." Джинни вздохнула с отчаянием. "Я уже достаточно взрослая, чтобы ходить самостоятельно, и я даже не собираюсь идти одна. Гарри идет со мной".

"Не обижайся, Гарри, но я все еще опасаясь отпускать тебя на прогулку. Ты все еще восстанавливаешься. Мне все равно, если тебе придется сделать меня глухим, но я не выпущу тебя из виду!"

Джинни закатила глаза. У Гарри возникло четкое ощущение, что этот спор уже неоднократно имел место. Удивительно, но Рон, похоже, тоже выигрывал их.

Прогулка до Выручай-комнаты была немного неловкой. Джинни хромала, решив идти самостоятельно, а Рон нервно озирался по сторонам. Гарри, в свою очередь, постоянно придумывал темы для разговора и так же быстро от них отказывался.

Гарри было больно осознавать, что он хранит в себе столько секретов от двух людей, которые ещё год назад были его самыми близкими друзьями.

У Гарри было странное чувство, что сегодняшний вечер станет решающим в их дружбе.

Проходя три раза перед дверью, он подумал о том, что комната должна быть закрыта и защищена от шпионов. Хогвартс не разочаровал.

Комната внутри была не такой уютной, как Общий зал, но Гарри предпочёл бы в данный момент обойтись без этого. Он уже давно научился доверять своим инстинктам.

Джинни с благодарностью уселась в удобное кресло, Рон занял соседнее, а Гарри сел напротив них.

На мгновение троица замолчала, инстинктивно понимая, что говорить должна именно Джинни.

"Две недели назад был, пожалуй, самый страшный момент в моей жизни. Я знала, что долго не проживу, они не были заинтересованы в том, чтобы я жила". Джинни сказала это почти с горечью. "И вот я здесь. Я снова избежала смерти, а они говорят, что мне всегда будет нужна трость, чтобы ходить". Джинни закончила, ее голос сорвался ближе к концу.

"Я вспоминаю тот день. Я считала себя такой храброй, стоя перед этими Пожирателями смерти. Я бросилась на них и запуталась в них, когда они убегали. И все это время, проведенное в плену, я больше всего на свете жалел, что не решился на это. Прокурор никогда не готовил нас к этому". Впервые за время своего монолога Джинни подняла затененные карие глаза. В них была... грусть и боль. Прокурор никогда не мог по-настоящему подготовить её к тому, с чем она столкнулась. Гарри смутно припоминал, что в последний раз он появлялся на одном из собраний - это было на прошлую Пасху, когда они обсуждали чары Патронуса. Ему было интересно, кто же теперь руководит этим клубом, ведь Гарри перестал ходить туда в начале шестого курса, хотя клуб по-прежнему существовал.

Она наклонилась к нему, как бы желая открыть ему секрет.

"Пытки, Гарри, пытки меняют тебя. Как они могут получать от этого удовольствие! Как они могут смотреть и знать! Как они могли!" сурово прошептала Джинни. Фасад, который она сохраняла в течение двух недель, распадался на части.

Рон двинулся к ней, чтобы обнять, но он знал, что лучше не мешать. При этом темно-карие глаза Рона не отрывались от его зеленых глаз.

Гарри, не обращая внимания на смущение, протянул руку, чтобы взять Джинни за руку.

"Вирджиния Уизли". пробормотал Гарри, пытаясь найти слова, которые Джинни хотела услышать. "Две недели назад ты выступила против Пожирателей смерти. Почему ты сражалась?"

Лицо Джинни омрачилось в замешательстве.

"Почему ты решила сражаться против них? Ты считала это своим долгом как гриффиндорец? Своей честью светлой ведьмы? Ты испытывал ненависть к Пожирателям смерти? Думал ли ты о том, на кого они нападают? Почему вы бросились на них?"

"Я пыталась схватить маленькую гриффиндорскую девочку. Она плакала - такая напуганная и испуганная, пока они не оглушили её. И я не смог даже этого сделать. Они все равно забрали ее, а меня потащили за собой".

Гарри прервал ее, прежде чем она успела впасть в истерику.

"Вы пытались защитить".

"Да. Это мне очень помогло".

Гарри проигнорировал критику, которую она обрушила на себя.

"И разве ты когда-нибудь откажешь кому-то в защите, если почувствуешь, что можешь ее предложить?"

Джинни на мгновение замолчала, ее взгляд остановился на гербе Хогвартса, нарисованном на стене позади Гарри. Вновь встретившись с ним взглядом, она со всей убежденностью, на которую была способна, прошептала одно слово.

"Никогда".

"Никогда не считай себя глупцом за то, что делаешь то, во что веришь". Над этим уроком Гарри долго размышлял после смерти Сириуса.

Лицо Джинни выдавало её неуверенность, но Гарри увидел, что в её глазах снова появилась маленькая искорка. Пройдет немало времени, прежде чем она поверит в то, что не потерпела неудачу, но в конце концов это произойдет. Жизнь Джинни изменилась, несмотря ни на что. Попытки - это то, что разрушило ту наивность, которую не испортил дневник Риддла.

Гарри сжал маленькую испуганную руку Джинни между своими, зная, что его руки хранят свои собственные шрамы.

"Тебя пытали". Джинни вздрогнула от того, насколько прямолинейно прозвучало это заявление. Рон нахмурился, но взгляд Гарри заставил его замолчать: "Ты никогда не сможешь стать той девушкой, которой была. Ты никогда не сможешь забыть о том, что произошло, и я подозреваю, что это еще долго будет преследовать тебя во снах. Но ты выжила. Теперь ты снова живешь свободно, но как много у тебя отняли Пожиратели смерти? Вы можете быть живы, но это не имеет значения, если вы потеряли свою жизнь для них. Позволишь ли ты им забрать у тебя жизнь?"

"Можно бояться их, можно ненавидеть их за то, что они сделали. Можно кричать и плакать о том, что они сделали с тобой, если только ты не боишься их настолько, чтобы парализовать себя, если ты не ненавидишь их настолько, чтобы забыть обо всем остальном, если ты не плачешь настолько, чтобы забыть, как улыбаться".

Бледная рука дрожала между его руками, а опущенные глаза были подозрительно влажными.

"Я их ненавижу". Джинни прошептала. "Я ненавижу их за то, что они сделали!"

"И это нормально, если ты помнишь, что ненависть не управляет твоей жизнью. Они стали чудовищами, когда извлекли радость из твоей боли".